

«СОЗВЕЗДИЕ ВЕЧНОЙ СЛАВЫ»: ГОРОДА-ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ И СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

А.Д. Попов

Аннотация. В статье рассмотрен феномен городов-героев в Советском Союзе, который возник в 1941–1945 гг. как концепт пропаганды военного времени, а затем превратился в один из наиболее значимых институтов государственной политики памяти о Великой Отечественной войне. На основе архивных и опубликованных документов, материалов советской прессы и эго-источников автор характеризует генезис и развитие общности советских городов-героев, всегда являвшихся не только географическими, но и символическими объектами. Помимо дискурсивной и юридической легитимации концепта «город-герой» особое внимание уделяется описанию сакрализации пространства городов-героев, а также ритуализованным механизмам производства их символического единства. В итоге делается вывод, что недостаточно четкие критерии для получения этого статуса и политика расширения сложившегося в годы войны перечня городов-героев в 1960–1980-е гг. способствовали повышению гетерогенности этой символической общности, участники которой значительно отличались своими политико-административными и социально-экономическими возможностями, а также спецификой ментальных образов на советской «карте памяти». В результате символическая общность городов-героев постепенно превращалась в иерархичный пантеон в главе с Москвой, а непубличное обсуждение темы «недостойных» и «непризнанных» городов-героев привело к отдельным критическим проявлениям по отношению к этому мемориальному институту.

Ключевые слова: историческая политика, мемориальная культура, «место памяти», коллективная память, город-герой, Великая Отечественная война, СССР.

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, 295007, Симферополь, проспект академика Вернадского, 4, popalex79@mail.ru.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576.

“CONSTELLATION OF ETERNAL GLORY”: HERO CITIES OF THE SOVIET UNION IN THE GEOGRAPHICAL AND SYMBOLICAL SPACE

A.D. Popov

Abstract. In the article, the author examines the phenomenon of hero cities in the Soviet Union which appeared in 1941–1945 as a concept of promotion of wartime and then turned into one of the most significant institutes of the state policy of memory about the Great Patriotic War. Based on the archival and published documents, data of the Soviet press and ego-sources the author characterizes genesis and development of the unity of the Soviet hero cities which are always not only geographical but also symbolical objects. Besides discourse and legal legitimation of a concept “hero city” special attention is paid to the description of sacralization of hero cities’ space and also ritual mechanisms of producing their symbolical unity. As a conclusion insufficiently clear criteria of conditions for obtaining this status and the policy of expansion of the number of hero cities in the 1960–1980s, this process promoted increasing heterogeneity of this symbolical community which participants differed considerably in the political, administrative, social and economic opportunities and also specifics of mental images on the Soviet “memory map”. As the result, the symbolical unity of hero cities gradually turned into a hierarchical pantheon heading by Moscow, and nonpublic discussion of the subject of “unworthy” and “unrecognized” hero cities led to separate critical manifestations concerning this memorial institute.

Keywords: historical policy, memorial culture, “place of memory”, collective memory, Hero City, Great Patriotic War, USSR.

Одним из основных проявлений исторической политики является выстраивание и поддержание символических иерархий. Это выражается в формировании достаточно сложного по своей структуре пантеона героев [Копосов, 2011, с. 86–89], а также в ранжировании памятных дат по степени их значимости [Рольф, 2009, с. 139–148]. Стремление к иерархической упорядоченности затрагивает и пространственно-территориальное измерение коммеморации, когда географически локализованные «места памяти» имеют неодинаковый статус для государства, различных социальных групп и отдельных граждан. И если рассматривать советскую и постсоветскую память о Великой Отечественной войне, то высшую ступень пространственно-территориальной иерархии в ней, безусловно, занимает символическая общность (в публицистике – «созвездие», «союз», «семья») городов-героев.

Города-герои в советский период являлись ареалами активной коммеморации, обладавшими наивысшим символическим статусом, закрепленным в нормативно-правовых документах и отраженным в многочисленных произведениях материальной и духовной культуры. Как правило, тема городов-героев представляется настолько общеизвестной и «прозрачной», что ее описание носит канонический, а в некоторых случаях откровенно лапидарный характер. Обычно описываются героические страницы истории конкретного населенного пункта в период Великой Отечественной войны, констатируется особый вклад жителей города, его защитников и освободителей в достижение Великой Победы, называются даты принятия официальных решений по вопросам награждения. В то же время, весьма поверхностно рассматриваются вопросы генезиса и эволюции понятия «город-герой» в публичном дискурсе, а также сложные факторы производства единства и различия внутри символической общности городов-героев. Между тем, с позиции *memory studies* именно эти вопросы заслуживают особого внимания для формирования представления о логике, целях и результатах политики памяти о Великой Отечественной войне в послевоенный советский период.

ГЕНЕЗИС КОНЦЕПТА «ГОРОД-ГЕРОЙ»

Формирование общности городов-героев, расположенных на территории СССР, происходило в несколько этапов. Для первого из них (1941–1945 гг.) было характерно планомерное введение в публичный дискурс понятия «город-герой» с закреплением его за конкретными населенными пунктами: Ленинградом, Сталинградом, Одессой, Севастополем и ситуативно – за Москвой. Предпринятый автором анализ материалов центральной советской прессы показал, что единичные использования эпитета «город-герой» имели место еще в довоенный период и были связаны с памятью о событиях гражданской войны. Когда осенью 1927 г. проводился конкурс популярных брошюр, приуроченных к 10-летию со дня создания Красной Армии, то одна из конкурсных номинаций носила название «Города-герои гражданской войны (Луганск, Царицын, Грозный, Оренбург, Ташкент, Баку)» [Конкурс, 1927, с. 4]. Однако регулярно это словосочетание стало появляться на страницах советских газет только летом–осенью 1941 г. Причем относилось оно только к конкретным советским

городам – Ленинграду, Москве, Севастополю, несколько позже – к Сталинграду и Одессе. Например, в апреле 1942 г. один из авторов газеты «Известия» заявлял, что «морская крепость, город-герой Севастополь был, есть и будет советским» [Иванов, 1942, с. 3]. Регулярность упоминания приводила к закреплению данного концепта в общественном сознании. 19 мая 1942 г. 17-летняя советская девушка Анна Уманская написала в своем дневнике: «Ленинград все стоит, окруженный врагами, полумертвый, гордый город-герой» [Уманская].

Первое общее упоминание в одном тексте нескольких городов-героев, по всей видимости, относится к 25 ноября 1942 г. Именно тогда на первой полосе «Правды» был размещен редакционный лозунг-призыв: «Воины Красной Армии! К вам обращены сердца всех советских людей, взоры всего свободолюбивого человечества. К новым подвигам зовет вас бессмертная слава доблестных защитников городов-героев – Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда» [Воины, 1942, с. 1]. Почти месяц спустя на страницах этого же центрального издания был опубликован текст Указа Президиума Верховного Совета (ВС) СССР «Об учреждении медалей “За оборону Ленинграда”, “За оборону Одессы”, “За оборону Севастополя” и “За оборону Сталинграда”» от 22 декабря 1942 г. Сам термин «город-герой» в тексте указа не присутствовал, однако трижды использовался в передовой редакционной статье данного номера, где отмечалось, что «участники обороны четырех городов-героев – доблестные сыны братской семьи народов Советского Союза – покрыли себя славой, которая не померкнет в веках» [Знак стойкости, 1942, с. 1].

На завершающем этапе войны героические коннотации продолжали присутствовать в описаниях перечисленных выше городов, но теперь также связывались с трудовыми подвигами гражданского населения по их восстановлению, которые также должны были служить примером для жителей других населенных пунктов. В редакционной статье «Правды» за 29 марта 1944 г. подчеркивалось, что «Сталинград и Ленинград символизируют стойкость и отвагу советского народа в борьбе с врагом. Города-герои, города-воины являются и пионерами восстановления» [Любовь к родному городу, 1944, с. 1].

Основной мемориальной интригой в данный период являлось отсутствие четко закрепленного героического статуса Москвы. Только в некоторых источниках военного времени столица Советского Союза называется среди городов-героев. Причем упоминания Москвы в данном контексте участилось после учреждения Указом Президиума ВС СССР от 1 мая 1944 г. медали «За оборону Москвы». Так, в начале 1945 г. массовым тиражом был издан пропагандистский плакат «Города герои», где панорамы Москвы, Ленинграда, Севастополя, Одессы и Сталинграда сопровождались изображениями медалей за оборону этих пяти городов. При этом Москва упоминается первой и представлена ассиметрично другим изображенным городам – не только на одном из пяти медальонов с городскими панорамами, но и дополнительно в центральной части плаката, где изображены воины на фоне Московского Кремля. По всей видимости, это было связано с особым символическим статусом Москвы в сталинской культуре, когда столица в известной степени

была равнозначна всей территории страны и занимала безусловное верховенство в любых иерархиях [Паперный, 1996, с. 110–111].

Недостаточную ясность в данном вопросе дает и приказ Верховного Главнокомандующего СССР И.В. Сталина от 1 мая 1945 г., который во многих публикациях называется первым официальным документом, фиксирующим статус городов-героев. В приказе говорилось о проведении в этот день праздничного артиллерийского салюта 20-ю залпами в столицах союзных республик, а также в городах-героях Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе [Приказ, 1945, с. 1]. Традиция проведения таких салютов, впоследствии перенесенных на День Победы, сохранялась на протяжении всего советского периода. Однако Москва, Киев и Минск в таких приказах всегда перечислялись в категории столиц, то есть ранее городов-героев. Парадоксально, но Киев, ставший городом-героем уже в хрущевский период, юридически получает этот статус раньше Москвы, которую в текстах публичного дискурса неоднократно называли «городом-героем» еще в военное время.

РАСШИРЕНИЕ ОБЩНОСТИ ГОРОДОВ-ГЕРОЕВ И ИХ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ

Принятие решения о присвоении Киеву статуса города-героя в 1961 г. по всей видимости было инициировано Н.С. Хрущевым, которого связывали с этим городом многочисленные страницы биографии. Киев впервые называется городом-героем в текстах двух официальных документов, датированных 21 июня 1961 г., появление которых было приурочено к 20-летию с начала Великой Отечественной войны. Это были одновременно опубликованные Указы Президиума ВС СССР о награждении Киева орденом Ленина и об учреждении медали «За оборону Киева». Сразу после их публикации в прессе появились также тексты-обоснования соответствия столицы Украинской ССР такому высокому мемориальному статусу. Например, 24 июня 1961 г. на страницах «Литературной газеты» подчеркивалось: «Город-герой! Киев полной мерой выстрадал это высокое звание. С первых дней войны он отдал фронту все, что мог: 200 тыс. его жителей, стали бойцами армии. 32 тыс. ушли в народное ополчение. Весь город работал на фронт» [Дмитерко, 1961, с. 2].

В ходе празднования 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне статус «город-герой» был, наконец, юридически закреплен отдельным нормативным актом. 8 мая 1965 г. Президиум ВС СССР своим указом утвердил «Положение о почетном звании “город-герой”». Согласно этому документу, звание города-героя присваивалось «городам Советского Союза, трудящиеся которых проявили массовый героизм и мужество в защите Родины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». По «Положению» в связи с присвоением данного статуса городу вручались орден Ленина, медаль «Золотая Звезда» и грамота Президиума ВС СССР, а отдельным пунктом предусматривалось установление на его территории мемориального обелиска с изображением всех этих регалий [Положение, 1965].

В тот же день была принята серия из 7 указов Президиума ВС СССР, где Ленинград, Волгоград, Киев, Севастополь и Одесса уже фигурируют как города-герои, которые дополнительно награждаются предусмотренными «Положением» государственными наградами — орденом Ленина и медалью «Золотая звезда». В то же время, относительно Москвы в тексте соответствующего указа говорится именно о «присвоении почетного звания “город-герой”», а Брестская крепость также впервые называется «крепостью-героем». [Города-герои, 1990, с. 13, 31, 85].

Присвоение звания городов-героев Керчи и Новороссийску 14 сентября 1973 г. традиционно рассматривается исследователями как часть более масштабного проекта по героизации военных страниц биографии Л.И. Брежнева [см., например: Шаттенберг, 2018, с. 424–425]. На основании доступных нам источников можно в целом согласиться с такими выводами и констатировать, что данный вопрос решался очень оперативно и был инициирован «сверху». В 2006 г. был опубликован текст датированный 13 сентября 1973 г. записки членов Политбюро ЦК КПСС Л.И. Брежнева и А.А. Гречко в этот высший орган партийного руководства с ходатайством о присвоении звания городов-героев Керчи и Новороссийску [Записка]. Пока остается загадкой, как данный документ за один день прошел все этапы согласования в Политбюро ЦК КПСС и Президиуме ВС СССР, тем более что сам Л.И. Брежнев в это время находился на своей крымской госдаче. В записке подробно описывается военно-стратегическое значение битвы за Кавказ 1942–1943 гг., героизм советских войск и местных жителей, а также особо подчеркивается, что в послевоенный период трудящиеся Новороссийска и Керчи «самоотверженно трудятся над выполнением народнохозяйственных планов и добились больших трудовых успехов» [Записка, с. 154]. Что же касается роли Крымского обкома Коммунистической партии Украины (КПУ), от которого можно было бы ожидать инициативы в присвоении статуса города-героя Керчи, то архивные документы свидетельствуют, что данный вопрос также 13 сентября 1973 г. был согласован с его Бюро в экстренном порядке. Как следует из протокола, решение по данному вопросу было принято путем «опроса», то есть в телефонном режиме без сбора и обсуждения [ГАРК, ф. П-1, оп. 4, д. 975, л. 80].

В последующий период государственно-партийное руководство страны еще несколько раз присваивало звание города-героя: в 1974 г. — Минску, в 1976 г. — Туле, в 1985 г. — Мурманску и Смоленску. Формулировки указов о присвоении этого статуса были весьма стереотипными и стандартно начинались фразой «За выдающиеся заслуги перед Родиной, мужество и героизм, проявленные трудящимися [название города] в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками», допуская лишь незначительные стилистические вариации [см.: Города-герои, 1990, с. 13, 19, 25, 31, 37, 43, 49, 55, 61, 67, 73, 79]. В тексте обоснования указов о награждении Новороссийска и Керчи помимо трудящихся города упоминается также об участии воинов Советской Армии, Военно-Морского флота и авиации. В случае Минска была добавлена формулировка о большой роли города в развертывании всенародного партизанского движения в Белоруссии. Для Тулы оборона города увязывалась с битвой за Москву. Наконец, в постановлении о присвоении звания города-героя Мурманску формулировка была настолько краткой, что в ней даже отсутствовал

эпитет «героический» или какие-то производные от него, что в известной степени свидетельствует о кризисе риторических моделей советского официального дискурса в последнее десятилетие существования СССР.

Награждение Мурманска и Смоленска произошло в период, когда на должность Генерального секретаря ЦК КПСС был относительно недавно назначен М.С. Горбачев, который в отличие от Л.И. Брежнева не вошел в историю как инициатор каких-либо крупных мемориальных проектов. Однако в год празднования 40-летия Победы он посчитал целесообразным реализовать запланированный еще его предшественниками масштабный сценарий юбилейных торжеств, включающий беспрецедентное награждение различными государственными наградами населенных пунктов и ветеранов Великой Отечественной войны [подробнее см.: Попов, 2018]. Теперь «созвездие» городов-героев символически охватывало контуры практически всей территории, на которой происходили основные боевые действия Великой Отечественной войны: от Бреста до Волгограда, от Мурманска до Новороссийска. Городами-героями являлись столицы трех «братских союзных республик» (РСФСР, Белорусской ССР и Украинской ССР), принявших на себя основной удар врага. «Звездными» стали 12 городов и одна крепость, расположенные на всех трех основных направлениях немецкого наступления 1941–1942 гг. и на трех морских театрах боевых действий (Азовско-Черноморском, Балтийском, Баренцево-Беломорском).

САКРАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДОВ-ГЕРОЕВ В СОВЕТСКОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Как отмечала К. Кларк, материально-пространственная архитектура являлась фундаментом основ соцреализма и была построена на бинарной оппозиции сакрального и профанного пространства. Причем сакральное пространство (которое Кларк рассматривает на примере Москвы) выступает в качестве канонического образца, своеобразного «маяка» для пространственных объектов вторичного порядка [Кларк, 2000, с. 119–121]. Для советских людей города-герои являлись особыми ареалами коммеморации, основной характеристикой которых являлась именно сакральность их пространства, которая должна была проявляться в знаково-символических формах. При этом феномен городов-героев интересен тем, что относительно памяти о Великой Отечественной войне, значение которой в советской мемориальной политике резко возросла с 1965 г. [Копосов, 2011, с. 102–105], такие разные по своему административно-территориальному статусу, количеству населения и социально-экономическому развитию объекты, как Ленинград, Киев, Минск, Волгоград, Севастополь, Новороссийск и др., могли в известной степени символически конкурировать не только друг с другом, но и с Москвой.

В июне 1955 г. Г.К. Жуков, занимавший тогда должность министра обороны СССР, обратился в ЦК КПСС с предложением о создании нескольких «значительных памятников», которые бы достойным образом увековечили память погибших советских воинов и способствовали воспитанию советского народа, особенно молодежи, на

славных боевых традициях вооруженных сил. Местами сооружения таких мемориалов он называл Москву (или Подмосковье), а также города-герои Ленинград, Сталинград, Севастополь, Одессу. «Маршал Победы» выражал озабоченность тем, что «места выдающихся сражений минувшей войны, которые свято почитаются советскими людьми и часто посещаются различными экскурсиями и иностранными делегациями... не обозначены выразительными памятниками и монументами» [РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 39, л. 114–115]. Эта инициатива по ряду скрытых политических и социально-экономических причин вызвала достаточно сдержанную реакцию государственно-партийного руководства страны, в т.ч. Н.С. Хрущева, однако все же стала отправной точкой для начала разработки концепции первых крупных мемориальных объектов в городах-героях. Самыми масштабными из них на первом этапе стали завершённый в 1960 г. проект мемориализации Пискаревского кладбища в Ленинграде и открытый только 15 октября 1967 г. мемориальный комплекс на Мамаевом кургане в Волгограде [см.: Palmer, 2009]. Апофеозом советского монументального творчества в этом направлении можно считать торжественно открытый 9 мая 1981 г. мемориальный комплекс-музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в городе-герое Киеве, включавший фигуру Родины-матери высотой 102 метра¹. Созданный в парковой зоне на берегу Днепра и доминирующий над расположенном в непосредственной близости от него историко-архитектурным комплексом Киево-Печерской лавры, он, как и другие подобные объекты, должен был выполнять целый комплекс социально-значимых функций. Помимо коммеморативной можно говорить также о политико-идеологической, ритуальной, мобилизационной, информационной, воспитательной, сакральной, рекреационной, эстетической функциях [подробнее см.: Попов, Романько, 2019].

Впоследствии в каждом из городов-героев активно создавались самые разные мемориальные объекты, которые отражали ключевые вехи героической истории города в годы Великой Отечественной войны, показывали вклад в достижение Победы отдельных родов войск и воинских подразделений, увековечивали образы конкретных личностей. При этом на муниципальном уровне среди десятков памятников все же выделялось несколько наиболее значимых, которые выполняли также статусные функции, а также становились объектами наиболее массового «паломничества» не только для местных жителей, но и для приезжих. В этом контексте очень выразительно звучит текст одной записей, сделанных посетителями мемориала на Мамаевом кургане в Волгограде: «Много в России мест святых и дорогих сердцу советского человека. Но нигде так остро и особенно ясно не осознаешь, что такое война, что пришлось вынести нашим дедам, отцам и старшим братьям, и почему так рано седеют матери... Мы преклоняем колени перед могилами павших, клянемся быть достойными их памяти, и целуем талантливые руки рабочих, архитекторов, скульпторов, создавших это чудо века, и оставляем здесь свои сердца» [Голоса сердец, 1982, с. 82].

Особое значение городов-героев в советской культуре памяти о Великой Отечественной войне приводило к тому, что именно здесь возникали важнейшие

¹ Высота фигуры Родины-матери на Мамаевом кургане в Волгограде составляет 85 метров, а сооруженного уже в постсоветский период обелиска на Поклонной горе в Москве – 141 метр.

мемориальные новации¹, которые затем распространялись по всей территории страны. Первая публичная церемония зажжения Вечного огня на территории СССР состоялась 6 ноября 1957 г. на Марсовом поле в Ленинграде. Впоследствии сложилась традиция, согласно которой при открытии новых Вечных огней по всей территории страны «священный огонь» для их зажжения доставлялся именно из городов-героев. Так, в ходе открытия после капитальной реконструкции Вечного огня в Симферополе 9 мая 1985 г. источником огня одновременно стали два факела, доставленные в столицу Крымской области эстафетой спортсменов-легкоатлетов из городов-героев Керчь и Севастополь [Огонь памяти, 1985, с. 1].

С такими городами, как Москва, Киев, Одесса и Новороссийск связано возникновение мемориальных культов Неизвестного солдата и Неизвестного матроса [см.: Юдкина, 2015]. Осенью 1965 г. в Волгограде по инициативе местной комсомольской организации у мемориала на площади Павших борцов впервые в стране был организован школьный Пост № 1, где несли почетную вахту лучшие учащиеся города [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 726, л. 38]. Коллективы производственных предприятий Москвы, Сталинграда, Севастополя неоднократно инициировали различные общесоюзные кампании по увеличению производительности труда в память о погибших в 1941–1945 гг. соотечественниках, наибольшую известность из которых приобрела приуроченная к 30-летию Победы акция «За себя и за того парня» [см., например: ГАРФ, ф. А-617, оп. 1, д. 6543, л. 10, 13–14].

Перефразируя высказывание Ю.М. Лотмана, посвященное описаниям паломничества в средневековых текстах [Лотман, 1965, с. 212], можно утверждать, что при посещении города-героя горизонтальная мобильность являлась, одновременно, и вертикальным перемещением на наивысшую ступень в символической системе пространственных координат. Иногда такая вертикальная проекция поднимала славу городов-героев на космические высоты. В 1970-е гг. советские ученые-астрономы назвали целый ряд открытых ими новых планет в честь городов-героев Керчи, Киева, Одессы, Севастополя, Сталинграда [Неяченко, 1984, с. 100–101, 109, 111].

«ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРИТ...»: ГОРОДА-ГЕРОИ И ПРОИЗВОДСТВО СИМВОЛИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА²

По наблюдению И.И. Сандомирской, нарративные конструкции, связанные с патриотизмом и защитой Родины, традиционно основаны на принципах маскулинности и рассчитаны на восприятие субъекта-мужчины [Сандомирская, 2001, с. 61]. Действительно, на протяжении всего советского периода общность городов-героев

¹ Имеется в виду инновативность относительно советской культуры памяти, поскольку многие характерные для нее во второй половине XX в. мемориальные традиции (культ Вечного огня, культ Неизвестного солдата) были заимствованы из стран Западной Европы.

² В силу ограниченности объема статьи здесь не будет рассматриваться вопрос о формировании героической локальной идентичности в отдельных городах-героях, которому уже посвящен ряд работ отечественных [Сибиряков, 2016; Юрина, 2016 и др.] и зарубежных [Davis, 2018; Qualls, 2009 и др.] авторов.

представлялась как мужское боевое братство, героический союз субъектов, которые сомкнув свои ряды победили страшного врага, а затем продолжили совместно трудиться на благо социалистического Отечества. Такой характер взаимоотношений предполагал условное равенство и братство, взаимопонимание и взаимную поддержку. Уже в период Великой Отечественной войны наметилась тенденция консолидации первых городов-героев, которая приобретала различные формы. Например, в июне 1943 г. делегация из Ленинграда посетила с официальным визитом только что начавший восстанавливаться из руин Сталинград, при этом изыскав возможным подарить героическому побратиму 40 вагонов оборудования и строительных материалов [Дружба городов, 1943, с. 1]. В дальнейшем такие связи укреплялись и расширялись, охватывая самые разные сферы общественной жизни.

Внутри общности городов-героев постоянно происходила символическая коммуникация, которая могла выражаться в самых разных формах, от взаимного посещения официальными делегациями до обмена выставками детских рисунков. Занимавший в 1972–1977 гг. должность первого секретаря Севастопольского горкома КПУ В.С. Макаренко в своих мемуарах подробно вспоминает о том, как в составе севастопольской делегации принимал участие в торжествах по случаю награждения званием города-героя Новороссийска, Керчи и Тулы. Приглашение таких делегаций «героических побратимов» было традиционным, их участников принимали на высшем уровне, включали состав различных президиумов, для них разрабатывалась разнообразная программа посещения [см.: Макаренко, 2004, с. 312–325]. Широко распространено было взаимное поздравление со знаменательными датами в жизни городов-героев через местные средства массовой информации. Так, после присвоения этого звания Киеву одним из первых поступило приветствие от руководства Севастополя [В семью..., 1961, с. 1].

Культурная коммуникация городов-героев чаще всего приобретала характер «диалога» или символической «переключки», чему можно найти множество примеров. В августе 1974 г. газета «Новороссийский рабочий» опубликовала стихотворение керченского судоремонтника Г. Матвиенко «Созвездье братьев-городов», посвященное схожести боевых и трудовых биографий Новороссийска и Керчи, которые как «два города, два воина, два брата» впредь будут вечно сиять в «созвездье братьев-городов» [Матвиенко, 1974, с. 3]. В мае следующего года в Новороссийске состоялся всесоюзный фестиваль военно-патриотической песни «Вставай страна огромная». В ходе этого мероприятия состоялась «музыкально-песенная переключка городов-героев», которая по сценарию была начата и завершена песнями о Москве [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 883, л. 195].

Материальными носителями символического единства городов-героев могли служить книги и фотоальбомы, серийные образцы разнообразной сувенирной продукции – наборы значков, открыток, почтовых марок, вымпелов и т.п. Но главными осязаемыми носителями символического единства стали мемориальные аллеи городов-героев. Первоначально такие аллеи состояли из деревьев, высаженных делегатами из разных городов-героев. Однако в 1967 г. этот мемориальный ритуал

материализовался в монументальных формах. Композиционной частью открытого 8 мая 1967 г. мемориального комплекса «Могила Неизвестного солдата» у стен Московского кремля являлась Аллея городов-героев, на которой первоначально находилось 6 отдельно стоящих порфировых блоков, посвященных Ленинграду, Киеву, Волгограду¹, Одессе, Севастополю и Брестской крепости². В каждый из блоков была заложена капсула с землей, специально доставленной из данного города-героя [Юдкина, 2015, с. 267–268].

Также «сшивка» символического пространства городов-героев происходила в ходе различных военно-патриотических, спортивных, туристических мероприятий. Во время празднования 20-летия Победы в 1965 г. состоялась «Звездная эстафета», в ходе которой автомобильные и мотоциклетные колонны из 5 городов героев (Ленинграда, Одессы, Киева, Севастополя и Волгограда) направились в Москву. По замыслу организаторов, общая схема маршрутов должна была напоминать «лучи пятиконечной звезды». В состав делегаций входили Герои Советского Союза и Социалистического труда, кавалеры Орденов славы, передовиков производства. Эстафета финишировала на Центральном стадионе им. В.И. Ленина, где в присутствии 90 тыс. зрителей делегаты «доложили руководителям Партии и Правительства об успешном завершении Звездной эстафеты и вручили рапорты о трудовых победах» [ГАРФ, ф. Р-5451, оп. 32, д. 737, л. 60–62].

СУБЪЕКТИВНОСТЬ (ДЕ)ГЕРОИЗАЦИИ: ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

Приведенные выше цитаты, взятые из текстов официального советского дискурса, свидетельствуют о том, что нарратив о городах-героях всегда должен был являться образцом «высокого стиля». Но неподцензурные источники позднего советского периода содержат отдельные примеры откровенной десакрализации данного концепта. Например, в дневнике советского ученого-физика Н.С. Работнова за 1978 г. зафиксирован такой анекдот: «Можно ли доехать верхом на лошади от города-героя Новороссийска до города-героя Москвы? — Нет, потому что лошадь съедят в городе-герое Туле» [Работнов]. Примерно в тот же период появилась целая серия анекдотов, тематически связанных с городом-героем Новороссийском, самым известным из которых являлся такой: «Вопрос в анкете: “Воевали ли на Малой земле или отсиживались в окопах под Сталинградом?”» [Мельниченко, 2014, с. 294]. Причины для сарказма в этих двух текстах различны, но в целом их объединяет критическое отношение к деятельности государственной власти. В первом случае речь идет о сложностях в централизованном продовольственном снабжении, которых не мог избежать город-герой Тула, который в административно-территориальном отношении являлся областным центром, что не давало серьезных преимуществ в советской системе

¹ В 2004 г. надпись «Волгоград» заменена на «Сталинград».

² В последние годы были добавлено еще 6 блоков с названиями Минск, Керчь, Новороссийск, Тула, Мурманск и Смоленск.

распределения. Во втором случае имел место протест против происходившей в конце 1970-х гг. массовой кампании по героизации военных страниц биографии Л.И. Брежнева в связи с публикацией приписываемой ему автобиографической повести «Малая земля» [Шаттенберг, 2018, с. 554–556]. Причем первый серьезный шаг к созданию героического культа Брежнева был сделан в 1973 г. присвоением звания города-героя Новороссийску и Керчи, обстоятельства которого уже говорилось выше. Это решение в общественном сознании разбалансировало до этого относительно стабильную систему пространственных координат на символической «карте памяти» о Великой Отечественной войне.

Значительный потенциал для снижения сакрального ореола символической общности городов-героев имели «непрозрачные» принципы ее формирования, хотя публичные критические высказывания по данному вопросу стали возможны лишь в постсоветский период. В 2016 г. под эгидой Института национальной памяти Украины была издана книга «Війна і міф. Невидома Друга світова». Авторы этого издания поставили перед собой задачу развенчать советские и постсоветские мифы о Великой Отечественной войне, не обходя вниманием и тему городов-героев. К сожалению, книга не содержит ссылок на источники, а приведенные в ней «разоблачения» носят дискуссионный характер. С одной стороны, можно в целом согласиться с тезисом о субъективности критериев для присвоения звания город-герой и элементах волюнтаризма в решениях по данному вопросу. Среди населенных пунктов, незаслуженно обойденных награждением, украинские авторы называют Воронеж, Курск, Ростов-на-Дону и Харьков [Війна..., 2016, с. 236, 239]. С другой стороны, сомнительным выглядит их тезис о том, что отказ в награждении был вызван тем, что «администрации городов-героев получали щедрые материальные ресурсы, в частности щедрое товарное обеспечение. Обязательный материальный бонус существенно ограничивал щедрость Компартии на похвалу. Страна Советов не могла прокормить слишком много героических городов» [Війна..., 2016, с. 239]. На данный момент нам не удалось выявить каких-либо официальных свидетельств того, что в советский период города-герои имели какие-то постоянные преимущества в снабжении именно на основании наличия этого статуса. В действительности самой стабильной преференцией городов-героев было лишь их обязательное включение в приказы о ежегодном проведении 9 мая праздничных артиллерийских салютов.

В действительности проблемы материального плана могли возникать даже с сооружением обелисков, предусмотренных «Положением» 1965 г. Когда летом 1984 г. Отдел наград Президиума ВС СССР провел проверку ситуации с их сооружением, выяснилось, что из 10 имевших тогда героический статус городов, такие обелиски были сооружены только в Москве, Киеве, Севастополе и Новороссийске. Учитывая, что этот вопрос мог оказать «большое воспитательное воздействие на трудящихся», было принято решение обратить особое внимание городских властей на данный вопрос [ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 145, д. 3284, л. 1–2]. В итоге к 9 мая 1985 г. обелиски были возведены также в Ленинграде, Минске и Одессе.

Тема «несостоявшихся» городов-героев, по разным причинам «непризнанных властью», нашла свое отражение и в современных российских публикациях [например:

Стрелецкий, 2017]. Причем иногда высказываются весьма дискуссионные объяснения отказа в награждении со стороны советского руководства. Например, относительно Ростова-на-Дону такой отказ якобы был связан с негативными воспоминаниями об этом городе у Л.И. Брежнева, который в военное время «не получил [здесь] ни наград, ни повышения в звании», а также с фактами коллаборационизма среди представителей донского казачества [Оськин]. Но аргументированные выводы о степени достоверности таких городских легенд можно будет делать только после выявления и введения в научный оборот соответствующих документов Политбюро ЦК КПСС.

В целом отсутствие четких критериев для получения героического статуса с точки зрения управленческой логики могло иметь даже позитивные стороны. Жители городов-героев СССР должны были чувствовать не только гордость, но и особую признательность по отношению к высшему-государственного-партийному руководству СССР, от которого зависел вопрос награждения. А принципиальная возможность для расширения круга награжденных населенных пунктов должна была стимулировать возможных претендентов на увеличение производственных показателей и активизацию гражданско-патриотической работы. Однако в реальности условная «открытость» общности городов-героев в сочетании с «непрозрачностью» и субъективностью процедуры ее расширения создали предпосылки для критики этого института политики памяти, которая в советский период могла проявляться лишь в непубличной форме.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что возникший в 1941–1945 гг. во многом как составная часть пропаганды военного времени феномен городов-героев был в полной мере институализирован лишь в 1960–1980-е гг., уже в рамках государственной политики памяти о событиях Великой Отечественной войны. Свой вклад в создание и расширение общности отмеченных медалью «Золотая Звезда» советских городов внесли И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев и М.С. Горбачев, хотя каждый из них имел для этого собственные мотивы и основания. Постепенное увеличение количества городов-героев, несмотря на все попытки ритуализированного производства их символического единства и декларирование равенства, неизбежно повышало гетерогенность данной символической общности, превращая ее в иерархичный пантеон. На вершине этого пантеона, вследствие значительного количества различных факторов оказалась Москва. В известной степени выделялись также Ленинград, Волгоград и Киев¹. Однако Москва, которая из-за своего статуса столицы государства априорно получала первенство среди городов-героев, была настолько перегружена другими символическими функциями, что могла уступать своим звездным собратьям приоритет во внедрении различных мемориальных инноваций. Также следует признать, что последовательная глорификация

¹ В изданном в 1990 г. Главным управлением по геодезии и картографии СССР атласе «Города-герои» они представлены в следующем порядке: Москва, Ленинград, Волгоград, Киев, Минск, Одесса, Севастополь, Новороссийск, Керчь, Тула, Мурманск, Смоленск, Брестская крепость [Города-герои, 1990, с. 93–94].

Великой Отечественной войны и связанных с ней сакрализованных символов (к числу которых относятся и города-герои) всегда затрудняла и до сих пор продолжает сдерживать академические исследования данного феномена, апологетика или критика которого обычно обусловлены не комплексным анализом исторических источников, а политико-идеологической позицией авторов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- В семью городов-героев // *Правда Украины*. 22 июня 1961. С. 1.
- Війна і міф. Невідома Друга світова. Харків: Книжковий Клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2016. 272 с.
- [Воины Красной Армии!...] // *Правда*. 25 ноября 1942. С. 1.
- Голоса сердец. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1982. 120 с.
- Города-герои Великой Отечественной войны. Атлас. М.: Главное управление геодезии и картографии при СМ СССР, 1990. 96 с.
- Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 4. Д. 975.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-617. Оп. 1. Д. 6543.
- ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 32. Д. 737.
- ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 3284.
- Дмитерко Л.* Подвиг родного Киева // *Литературная газета*. 24 июня 1961. С. 2.
- Дружба городов-героев* // *Известия*. 5 июня 1943. С. 3.
- Записка Л. Брежнева и А. Гречко в ЦК КПСС* // Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. 1964–1982. М.: Б.и., 2006. С. 150–154.
- Знак стойкости и беззаветной храбрости* // *Правда*. 24 декабря 1942. С. 1.
- Иванов П.* Полгода обороны Севастополя // *Известия*. 30 апреля 1942. С. 3.
- Кларк К.* Соцреализм и сакрализация пространства // *Соцреалистический канон*. СПб: Академический проект, 2000. С. 119–128.
- Конкурс на брошюры к 10-й годовщине Красной Армии* // *Известия*. 13 ноября 1927. С. 4.
- Копосов Н.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Вып. 181. Тарту, 1965. С. 210–216.
- Любовь к родному городу* // *Правда*. 29 марта 1944. С. 1.
- Макаренко В.С.* Радость, гордость и грусть. Киев: Логос, 2004. 808 с.
- Матвеев Г.* Созвездье братьев-городов // *Новороссийский рабочий*. 24 августа 1974. С. 3.

- Мельниченко М.* Советский анекдот (указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1103 с.
- Неяченко И.И.* Звезда в подарок. 2-е изд. Симферополь: Таврия, 1984. 128 с.
- Огонь памяти, огонь бессмертия // *Крымская правда*. 8 мая 1985. С. 1.
- Оськин А.* Почему Ростову-на-Дону не присвоили звание «Город-герой»? URL: <https://echo.msk.ru/blog/oskin/999690-echo/> (дата обращения – 10 февраля 2019 г.).
- Паперный В.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
- Положение о почетном звании «город-герой» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1965. № 19. Ст. 248.
- Попов А.Д.* Празднование 40-летия Победы и тенденции развития исторической памяти о Великой Отечественной войне в последнее советское десятилетие // *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2018. № 2. С. 15–34.
- Попов А.Д., Романько О.В.* Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Исторические науки и археология»*. 2019. № 2. С. 55–62.
- Приказ Верховного Главнокомандующего № 20 // *Красная Звезда*. 1 мая 1945. С. 1.
- Работнов Н.С.* Дневник. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221978-01-01%22&diaries=%5B53%5D> (дата обращения – 10 февраля 2019 г.).
- Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 16. Д. 39.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 34. Д. 726.
- РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 34. Д. 883.
- Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Вена, 2001. 286 с.
- Сибиряков И.В.* Севастополь и севастопольцы: проблемы локальной советской идентичности // *Дискурсология: методология, теория, практика*. 2016. Т. 1, № 10. С. 197–208.
- Стрелецкий И.Я.* Непризнанные города-герои // *ГосРег: электронный научный журнал*. 2017. № 3. URL: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/21number/articles/Streletskiy-gor-21.pdf> (дата обращения – 10 февраля 2019 г.).
- Уманская (Кечек) А.С.* Дневник. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221942-01-01%22&diaries=%5B1918%5D> (дата обращения – 10 февраля 2019 г.).
- Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 623 с.
- Юдкина А.* Могила Неизвестного солдата в советском мемориальном ландшафте // *Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре*. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 256–279.

Юрина Т.И. Новороссийский феномен восприятия действительности через призму военной памяти // *Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: мат. междунар. науч.-практ. конф.* Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 35–39.

Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London: I.B. Taurus, 2018. 351 p.

Palmer S. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad // *The Russian Review*. 2009. Vol. 68, № 3. Pp. 373–407.

Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. 188 p.

REFERENCES

V sem'ju gorodov-geroev [In the family of hero cities], in *Pravda Ukrainy*. 22 June 1961. P. 1 (in Russian).

Vijna i mif. Nevidoma Druga svitova [War and myth: Unknown World War II]. Kharkiv: Knizhkovij Klub "Klub simejnogo dozvillja", 2016. 272 p. (in Ukrainian).

[Voiny Krasnoj Armii!...] [Soldiers of the Red Army!], in *Pravda*. 25 November 1942. P. 1 (in Russian).

Golosa serdec [Voices of hearts]. Volgograd: Nizhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982. 120 p. (in Russian).

Goroda-geroi Velikoj Otechestvennoj vojny. Atlas. [Hero cities of the Great Patriotic War. Atlas]. Moscow: Glavnoe upravlenie geodezii i kartografii pri SM SSSR, 1990. 96 p. (in Russian).

State archive of the Republic of Crimea (GARK). F. P-1. Inv. 4. D. 975.

State archive of the Russian Federation (GARF). F. A-617. Inv. 1. D. 6543.

GARF. F. R-5451. Inv. 32. D. 737.

GARF. F. R-7523. Inv. 145. D. 3284.

Dmiterko L. Podvig rodnogo Kieva [Feat of native Kiev], in *Literaturnaja gazeta*. 24 June 1961. P. 2 (in Russian).

Druzhba gorodov-geroev [Friendship of hero cities], in *Izvestija*. 5 June 1943. P. 3 (in Russian).

Zapiska L. Brezhneva i A. Grechko v CK KPSS [L. Brezhnev and A. Grechko's note in the Central Committee of the CPSU], in *General'nyj sekretar' L.I. Brezhnev. 1964–1982*. Moscow: N.n., 2006. Pp. 150–154 (in Russian).

Znak stojkosti i bezzavetnoj hrabrosti [Sign of firmness and selfless bravery], in *Pravda*. 24 December 1942. P. 1 (in Russian).

Ivanov P. Polgoda oborony Sevastopolja [Half a year of defense of Sevastopol], in *Izvestija*. 30 April 1942. P. 3 (in Russian).

- Klark K. Socrealizm i sakralizacija prostranstva [Socialist realism and sacralization of space], in *Socrealisticheskiy kanon*. Moscow: Akademicheskij proekt, 2000. Pp. 119–128 (in Russian).
- Konkurs na broshjuru k 10-j godovshhine Krasnoj Armii [Competition of brochures by 10th anniversary of the Red Army], in *Izvestija*. 13 November 1927. P. 4 (in Russian).
- Koposov N. *Pamjat' strogogo rezhima. Istorija i politika v Rossii* [Memory of a high security. History and policy in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 p. (in Russian).
- Lotman Ju.M. O ponjatii geograficheskogo prostranstva v russkih srednevekovyh tekstah [About a concept of geographical space of the Russian medieval texts], in *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. 181. Tartu, 1965. Pp. 210–216 (in Russian).
- Ljubov' k rodnomu gorodu [Love to the hometown], in *Pravda*. 29 March 1944. P. 1 (in Russian).
- Makarenko V.S. *Radost', gordost' i grust'* [Joy, pride and grief]. Kiev: Logos, 2004. 808 p. (in Russian).
- Matveenko G. Sozvezd'e brat'ev-gorodov [Constellation of brothers cities], in *Novorossijskij rabochij*. 24 August 1974. P. 3 (in Russian).
- Mel'nichenko M. *Sovetskij anekdot (ukazatel' sjuzhetov)* [Soviet joke (index of plots)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 1103 p. (in Russian).
- Nejachenko I.I. *Zvezda v podarok* [Constellation of brothers cities]. 2-e izd. Simferopol': Tavrija, 1984. 128 p. (in Russian).
- Ogon' pamjati, ogon' bessmertija [Memory fire, immortality fire], in *Krymskaja pravda*. 8 May 1985. P. 1 (in Russian).
- Os'kin A. *Pochemu Rostovu-na-Donu ne prisvoili zvanie "Gorod-geroj"?* [Why wasn't Rostov-on-Don given the rank "Hero city"?]. Available at: <https://echo.msk.ru/blog/oskin/999690-echo/> (accessed 10 February 2019).
- Papernyj V. *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 384 p. (in Russian).
- Polozhenie o pochetnom zvanii "gorod-geroj" [Provision about an honorary title "hero city"], in *Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR*. 1965. № 19. St. 248 (in Russian).
- Popov A.D. Prazdnovanie 40-letija Pobedy i tendencii razvitija istoricheskoi pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne v poslednee sovetskoe desjatiletie [The celebration of the 40th anniversary of the Victory and trend of development of historical memory of the Great Patriotic War in the last Soviet decade], in *Rossijskie regiony: vzgljad v budushhee*. 2018. № 2. Pp. 15–34 (in Russian).
- Popov A.D., Roman'ko O.V. Pamjatniki Velikoj Otechestvennoj vojny v pozdnij sovetskij period: mnogoobrazie social'nyh funkcij i praktik [Monuments of the Great Patriotic War during the late Soviet period: variety of social functions and practices], in *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Istoricheskie nauki i arheologija"*. 2019. № 2. Pp. 55–62 (in Russian).

Prikaz Verhovnogo Glavnokomandujushhego № 20 [Order of the Supreme Commander No. 20], in *Krasnaja Zvezda*. 1 May 1945. P. 1 (in Russian).

Rabotnov N.S. *Dnevnik* [Diary]. Available at: <http://prozhito.org/notes?date=%221978-01-01%22&diaries=%5B53%5D> (accessed 10 February 2019).

Rol'f M. *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass holidays]. Moscow: ROSSPJeN, 2009. 439 p. (in Russian).

Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 4. Inv. 16. D. 39.

Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. M-1. Inv. 34. D. 726.

RGASPI. F. M-1. Inv. 34. D. 883.

Sandomirskaja I. *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnyh praktik* [The book about the Homeland. Experience of the analysis discourse practices]. Wien: N.n., 2001. 286 p. (in Russian).

Sibirjakov I.V. Sevastopol' i sevastopol'cy: problemy lokal'noj sovetskoj identichnosti [Sevastopol and residents of Sevastopol: problems of local Soviet identity], in *Diskursologija: metodologija, teorija, praktika*. 2016. № 10. Pp. 197–208 (in Russian).

Streleckij I.Ja. *Nepriзнанные goroda-geroi* [Unrecognized hero cities]. Available at: GosReg: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2017. № 3. Available at: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/21number/articles/Streletskiy-gor-21.pdf> (accessed 10 February 2019).

Umanskaja (Kechek) A.S. *Dnevnik* [Diary]. Available at: <http://prozhito.org/notes?date=%221942-01-01%22&diaries=%5B1918%5D> (accessed 10 February 2019).

Shattenberg S. *Leonid Brezhnev. Velichie i tragedija cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. Greatness and tragedy of the person and country]. Moscow: Politicheskaja jenciklopedija, 2018. 623 p. (in Russian).

Judkina A. Mogila Neizvestnogo soldata v sovetskom memorial'nom landshafte [The Tomb of the Unknown Soldier in the Soviet memorial landscape], in *Memento Mori: pohoronnye tradicii v sovremennoj kul'ture*. Moscow: IJeA RAN, 2015. Pp. 256–279 (in Russian).

Jurina T.I. Novorossijskij fenomen vosprijatija dejstvitel'nosti cherez prizmu voennoj pamjati [The Novorossiysk phenomenon of perception of reality through a prism of military memory], in *Pamjat' i vremja: vlijanie vojn i vooruzhennyh konfliktov XX v. na rossijskoe obshhestvo: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Penza: Izd-vo PGU, 2016. Pp. 35–39 (in Russian).

Davis V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City*. London: I.B. Taurus, 2018. 351 p.

Palmer S. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad, in *The Russian Review*. 2009. № 3. Pp. 373–407.

Qualls K. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. 188 p.